

УДК 94(47+57)«1942/1943»:006.062

ББК 63.3(2)622,1-72

**«ВОЛГА-МАТУШКА»
В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ
ПЕРИОДА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ¹**

Рябов Олег Вячеславович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Ивановского государственного университета
Riabov1@inbox.ru
ул. Ермака, 37, 153025 г. Иваново, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Волги-матушки в советской пропаганде периода Сталинградской битвы. Вначале речь идет о том, какое место представления о материнской природе Волги занимали в советской культуре 1920–1930-х годов. Далее анализируются формы и функции включения образа Волги-матушки в репрезентации военных событий. Автор показывает, что этот образ использовался в поддержании советской идентичности; в военной мобилизации; в обосновании военного и морального превосходства Красной Армии; в создании образа врага.

Ключевые слова: Образ Волги, «Волга-матушка», материнский символ, символическая политика, Сталинградская битва, Великая Отечественная война, военная пропаганда.

В октябре 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, был выпущен плакат В. Серова «Отстоим Волгу-матушку!». Он был напечатан тиражом в 150 000 экземпляров; его репродукцию размещали в советских газетах и журналах. Тем самым Сталинградская битва репрезентировалась как сражение за Волгу, которая при этом показана в образе матери.

Материнский образ России, как известно, является важнейшим элементом репрезентаций войны в отечественной культуре. «Родина-мать» представлена в военном дискурсе как уязвимая, страдающая, взывающая о помощи, могущественная, непобедимая, сражающаяся; включение в военный дис-

курс женских аллегорий наций в таких значениях, заметим, распространено во многих культурах [3]. Однако, что касается образа реки в военной пропаганде, то это, очевидно, феномен более редкий. Цель исследования – анализ образа Волги-матушки в дискурсе Сталинградской битвы. Насколько распространенным он был в репрезентациях событий июля 1942 – февраля 1943 гг.? Какие функции он выполняет в военной пропаганде и в практиках коммеморации? Какими материнскими чертами при этом он наделяется? В какой степени материнские образы реки и страны коррелируют? Источники исследования включают в себя советские текстовые и визуальные материалы за период июля 1942 – марта 1943 гг.: прежде всего, газеты («Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литература и искусство»), а также сатирический журнал «Крокодил».

Важным элементом советской символической политики выступал материнский образ Волги, история которого берет начало в дореволюционной России [7]. Начало советского культа Волги относится к середине 1930-х – времени «воскрешения» дореволюционного образа «России-матушки» в облике советской Родины-матери [3, с. 183–187]. Волга становится одним из центральных символов советской культуры второй половины 1930-х; фактически она выступает заменителем Родины-матери, наделяясь схожими чертами [2].

В период Великой Отечественной войны советская пропаганда придавала первостепенное значение символу Родины-матери [3, с. 192–202]; он широко использовался во время Сталинградской битвы. Не удивительно, что и образ Волги-матушки был представлен в пропаганде широко и многоаспектно. Река при этом была охарактеризована как мать и наделена такими чертами, как рождение, забота, сила, уязвимость, сакральность, амбивалентность. Можно выделить несколько функций данного символа.

Прежде всего, он помогал укреплению советской идентичности, выполняя роль субститута советской Родины и участвуя в проведении символических границ между Своими и

Чужими. Волга приобретает особый статус, выступая ипостасью советской Родины; защита ее становится обязанностью каждого советского воина. Пропаганда актуализировала представления о Волге как реке, объединяющей различные национальности Советского Союза и превращающей отдельные регионы страны в единое целое. Очевидно, привлечение символа «Волги-матушки» повышало эффективность использования образа Родины-матери: он в большей степени оказывался связанным с родной землей, природой, чем с государственной машиной. Подобная «натурализация» национального сообщества усиливалась и за счет репрезентаций Своих как детей Волги.

Далее, образ включался в мобилизационную пропаганду. Волга была представлена как женщина, честь которой обязан защитить советский солдат; уступить врагу реку означало покрыть себя вечным позором. 20 августа 1942 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано обращение красноармейца А. Андреева, одного из защитников Сталинграда, озаглавленное «Дума о Волге», которое начинается такими словами: «Мы не имеем права отступить, не смеем допустить немца к Волге. Великая русская река для нас священна, и она останется незапятнанной. Россия без Волги – тело без души!» [1, с. 1]. В появившемся в начале сентября очерке «Сталинград» И. Эренбург пишет: «Сталинград – это Волга. Кто скажет, что значит Волга для России. <...> Народ сложил сотни песен о Волге-матушке. <...> Неужели презренные немцы будут купать в ней своих лошадей, в Волге, в великой русской реке?..» [5, с. 2]. Обратим особое внимание на содержащийся в этих текстах мотив осквернения Волги, ее загрязнения, который имеет коннотации с темой бесчестия родной земли. Между тем, защита чести родной земли всегда выступала одним из важнейших элементов мобилизации в России, апеллируя к гендерной идентичности мужчин. Образ немца-насилльника занимал очень заметное место в советской пропаганде [3, с.194–195]. Восприятие иноземного вторжения как осквернения Волги нашло выражение и во многих других источниках.

Косвенным свидетельством эффективности привлечения образа Волги-матушки в мобилизационную пропаганду могут служить воспоминания участников тех боев. Например, легендарный герой Сталинграда, командующий 62-й армией В. Чуйков в мемуарах, изданных в 1970-х гг., так описывает настроение советских воинов: «...У наших солдат, у командиров, в генералитете зрело... убеждение, что на этот раз враг будет остановлен... Сейчас почти невозможно с предельной точностью определить, где, когда, в какую минуту совершился духовный, психологический перелом в наших войсках в летне-осенней кампании 1942 года. То ли на подступах к матушке-Волге, словно бы почувствовав ее за спиной, подумал советский человек: не хватит ли, не довольно ли пятиться? ‘За Волгой земли нет!’ То ли, уже испив волжской водицы, черпнув ее ‘шеломом’, остановился воин в раздумье: ‘Велика Россия! До Волги враг дошел. Куда же дальше?’» [4, с. 16–17].

Затем, образ всемогущей реки вселял уверенность Своих в победе, используя в обосновании военного превосходства Красной Армии. Подобно Родине-матери, Волга не только взывает о помощи, но сама является грозной, непобедимой силой. Прежде всего, она служит источником военного превосходства советских воинов. Она является непосредственной участницей боевых действий, представляя собой такой же природный фактор победы, как пресловутый генерал Мороз. Дж. Хаббс показывает, что в русском фольклоре реки нередко выступают как одушевленные участники военных событий [6, с. 171], и мы можем видеть восхождение фольклорных мотивов в дискурсе Сталинградской битвы. Наконец, и возмездие врагу осуществляется при непосредственном участии реки.

Наконец, материнский символ Волги активно вовлекался в создание образа врага, способствуя ассоциированию его с насилием, агрессией, вероломством, опасностью, грязью, слабостью; в Сталинградской битве природа, живое, противостояла механическому, искусственному, мертвому.

Разумеется, советская пропаганда подчеркивала, что врага необходимо остановить в силу, прежде всего, огромного воен-

ного и экономического значения Сталинграда и Волги. Однако вместе с тем, у этой битвы было и символическое измерение: советские воины сражались и за Волгу как ипостась Родины-матери.

Таким образом, материнский образ Волги выступал одним из факторов победы в Сталинградской битве. В свою очередь, успех Красной армии в битве и в Великой Отечественной войне в целом сделал символический капитал «Волги-матушки» еще более значительным.

Примечание

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

Список литературы

1. Андреев, А. Дума о Волге / А. Андреев // Комсомольская правда. – 1942. – 20 авг.
2. Гюнтер, Х. Поющая Родина: Советская массовая песня как выражение архетипа матери / Х. Гюнтер // Вопросы литературы. – 1997. – № 4. – С. 46–61.
3. Рябов, О. В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века / О. В. Рябов. – Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. – 290 с.
4. Чуйков, В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад / В. И. Чуйков. – М. : Сов. Россия, 1972. – 253 с.
5. Эренбург, И. Г. Сталинград / И. Г. Эренбург // Красная звезда. – 1942. – 6 сент.
6. Hubbs, J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture / J. Hubbs. – Bloomington : Indiana University Press, 1988. – 324 p.
7. Riabov, O. V. «Mother Volga» and «Mother Russia»: On the Role of the River in Gendering Russianness / O. V. Riabov // Water-Russia-Culture / J. Costlow, A. Rosenholm (Eds.). – Ashgate Press, 2015 (forthcoming).

“MOTHER VOLGA” IN THE SOVIET PROPAGANDA IN THE PERIOD OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Riabov Oleg Viacheslavovich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy,
Ivanovo State University
Riabov1@inbox.ru
Ermaka St., 37, 153025, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. This article deals with the analysis of employing the image of Mother Volga by the Soviet propaganda in the period of the battle of Stalingrad. The article begins with a discussion of the role of “Mother Volga” in the Soviet culture of 1920-1930s. Next, it examines forms and functions of the employing of this image by the war propaganda. The author demonstrates that using this image contributed to strengthening the Soviet identity; in war mobilization; in substantiating the idea of the Red Army’s military and moral superiority; in creating the image of the Enemy.

Key words: The image of Volga, “Mother Volga”, maternal symbol, symbolic politics, the battle of Stalingrad, Great Patriotic War, war propaganda.